

Живет в Ивантеевке (Россия).

Вхождение в Пардес

"Когда вы достигаете плит чистого мрамора, не говорите: „Вода! Вода!"

Вавилонский Талмуд (X, 146)

«Вы растянулись рядом с тобой».

Х. Кортасар

обмакни ее имя господи в молоко и в мед
подержи ее болью в сердце своем изюмом на языке
дальним светом предупреди ее что на трассе лед
что пора нам идет зима что уже снаряжает меркаву иезекииль

вы успеем, шепни, сойти с горы в глазах моих спастись за гардиной дня

видишь ищет она вход из сада уверена что это выход в сад
перелетных знаков твоих невидимая броня
на камнях прозрачных дорожных немых пусть твердит как о ней ты рад...

Стансы из детства

родом из детства

Под утро проснешься в холодном поту
блестящий, как спинка минтая,
сухую наличность под паспарту лоскутным
ладонью катая.

Пытаешься опытным слухом вобрать
пустоты и смыслы объема
и площади женщины с именем мать,
в рассвет уходящую звездную рать
и запахи нового дома.
«Мой Августин» тикает мина внутри
грудины и время – без месяца три.

Ты слышишь, как примус горит со стыда
от мата соседки-весталки,
как брызжет стыдливо сковорода
слюною на груди Наталки.
Ты видишь, как весело тени жуют
фитиль керосиновой лампы,
чужого пространства натянутый жгут,
бинарной реальности тлеющий трут,
исход монолога у рампы:
мне быть или не быть – пятьдесят без пяти –
La rose malade Ролана Пети.

Прозрачным под утро забудешься сном
в хвосте неуклюжей кометы,
и снится задумчивый розовый сом,
и справа – Варрава раздетый
до самой иглы в середине яйца,
до беглого зайца, до утки,
живущей в рабочем портфеле отца;
конец возвратился в начало конца,
и время – без вечности сутки.

Янтарный растет на горе виноград,
и ты каждой ягоде в пригоршне рад...

Синева. Пустота. Тишина

Da capo azzurro

Под вычитанием в столбик тоненькая черта...
/пус/ть из одного – один, два из двух, всё вокруг, всё одно: /тота/л –
ноль, снег растаял, деревья в цвету, Христос, –
сколько ни жди ответа, в итоге всегда вопрос.

Сын, собака, жена, брат, отец... приходишь в церковь: ну, чья вина?
Ну, ведь твоя, чмо, молчишь, – /ти/хо, только со свода нисходит на голову вы/шина/.
Выйдешь, солнце в ответ улыбается, жжёт на груди шов –
да, я – вина, больше смысла ты не нашёл...

А хоть искал? Жена, сын, брат, отец – раз единый поставил плюс?
А ты хоть раз вопрос свой в миг последний выталкивал из-под колес?
Стоишь тут – смеётся солнце, смеются люди, а ты – «вина»...
синичье «си» попробуй на вкус, стой, дыши – это /синева/...

Vuoto segno

Никогда не думал, что девушка будет мне говорить: «Заткнись».
Это фраза двери в парадном, парапета Яузы, «Музыкального ада» Босха, но не её.
Я настолько наивен, что думал: корни – это всегда «пусть не выросло, но хотя б
вырастает вниз»,
то, что ввысь вырастает – листва, ветви, птицы, небо, ну, и мы – зверьё...

Рассосались швы, язвы зарубцевались, кости срослись, и знать
кого звать, если что, не нужно уже, если что – не нуж/но совсем уже/.
Уже выбор есть, стойкий выхлоп, есть «холопу хлоп по тому, где сесть», есть, который –
знать,
только вот как-то сел неудачно, что ли, или подали не во время бланманже.

Я – седой даже не вождь – так, кусок индейца, подкова стертая до земли, диплодок;
шарахаюсь от слова «хрен», когда уже мир весь считает ласкательным слово «б...дь».
Солнце в четвертом доме, а та, что твердит «заткнись», поддевала куда-то мой поводок,
а без поводка – я не сумасшедший – ни за что не решусь её повести гулять...

Silenzio lunga

Белье постирано, дети спят, крыса мирно шуршит в углу –
верно, точит гречку, просыпанную вчера.
На вопрос самому себе, как критику, критик бубнит: углубь
наполнение вширь смыслового вектора. Вечера

уж теплы, день зовёт молодою листвой берез
на пленэр, вон из злой кривизны зеркал.
Кривизна отражает не/мой непослушный вихор волос

и воспоминание, что младший весь день икал.

Как бы все же углубить? Утробно урчит живот:
хочет гречи, что крыса ест. Паспарту
поменять бы на фото том, где я – пилот,
чтоб тишина, не дай бог, не нарушила красоту...

[Страница автора в Сети](#)

